

Татьяна
АЛЮШИНА

Свидание вслепую

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Свидание вслепую : роман / Татьяна
Алюшина. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.
ISBN 978-5-04-242879-1

Зинуля могла бы вырасти правильной, послушной и покладистой. Но такой она была недолго, пока не встретила Ритку — ходячее стихийное бедствие. Это знакомство перевернуло жизнь Зины и направило в новое, полное приключений и всяческих казусов русло. А какой удивительной оказалась Риткина одесская родня — словами не передать. Но все это меркнет и бледнеет на фоне главного испытания в жизни Зинули. Он, полная темнота и наэлектризованный воздух между ними. Ох, Ритка! Это все она, конечно же, виновата. А Зине теперь разгрести...

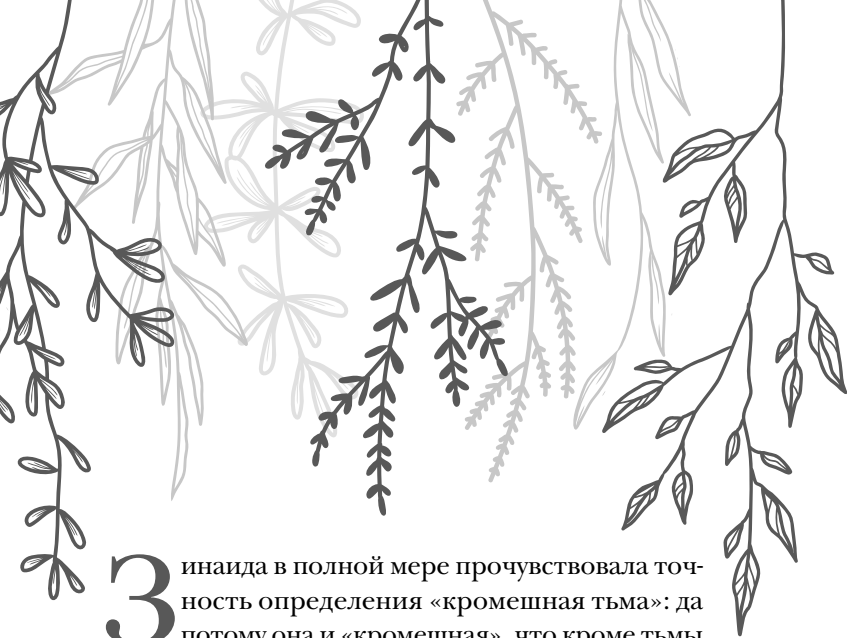
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Т. Алюшина, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
ISBN 978-5-04-242879-1 2026

*Моей большой, прекрасной, любимой семье
и, в частности, замечательным тетушкам
Октябрине Ильиничне и Марии Ильиничне
посвящается.*

Зинаида в полной мере прочувствовала точность определения «кромешная тьма»: да потому она и «кромешная», что кроме тьмы этой жуткой нет ничего — вообще ничего! Перводанная, изначальная темень, с которой все началось: взрыв новой звезды, галактики, атомы — жизнь, которой все и закончится — наступит небытие!

И такой это, оказывается, «кромешный» ужас! Господи, как с этим предки-то дикие справлялись?! Оказаться в такой чудовищной темнотище, к которой ни глаз человеческий, ни организм в целом — ни привыкнуть, ни адаптироваться категорически не могут!

А еще, что самое поразительное...

Мистическим, сверхъестественным образом проснулись-всколыхнулись все задавлен-

ные, практически уничтоженные за ненужностью комфортом цивилизации первобытные инстинкты и скрытые резервы организма, обострив мгновенно во сто крат — а может, и поболее — все органы чувств и ощущений!

Зинаида чувствовала этого мужчину всеми вот этими самыми пугающе обострившимися инстинктами. И, не видя, ощущала его в метре от себя, на расстоянии вытянутой руки — слышала его дыхание, стук сердца, впитывала запах, чувствовала тепло, исходящее от его кожи даже через одежду, и, как ей казалось, даже мысли его слышала...

— Вы меня боитесь? — тихо спросил он, не тревожа понапрасну громкостью темноту.

Она услышала недосказанное, подуманное им: боится ли она его желания, которое чувствовала всей кожей, боится возможности воспользоваться странной ситуацией или даже нападения...

— Нет, — в тон ему, тихо ответила Зинуля. — Не вас.

Они помолчали. Оба сквозь вязкость первозданной темени договаривали не словами, а чувствами и обострившимися рецепторами недосказанное.

Не его! Себя! Она боялась себя, своего странного, необъяснимого желания броситься к этому незнакомому мужику в объятия —

к нему, в него, позабыв обо всем на свете, — желания, от которого звенела кожа на всем теле...

— Я тоже, — еще тише признался он.

Помолчал и пояснил:

— Не вас.

И что-то надо было немедленно — нет, еще быстрее, чем немедленно! — говорить, делать, словами, действиями, чем угодно, сбить, нарушить эту странную, неожиданную пугающе-оглушающую невероятную тягу друг к другу!

Они оба сразу почувствовали взаимное желание-интерес и нечто больше простого желания-интереса, как только встретились взглядом, а когда официально здоровались, пожимая друг другу руки при знакомстве, их такшибануло молнией в ладони, что пришлось отдергивать руки и виновато улыбаться, изображая непонимание и испытывая обоюдную неловкость.

Но что бы там ни возникло между ними, удивив и слегка напугав, умело управлялось и загонялось куда подальше воспитанием и принятыми правилами поведения развитого социального общества. Подумаешь, кольнуло-шибануло! Подумаешь, от одного его взгляда голова закружилась — и что?!

Да ни-че-го!

Вот именно! Как ему, так и ей. Два совершенно незнакомых человека, встретившихся

по делу, скорее всего первый и последний раз, и мирно, благополучно расставшихся. И все правильно. Оба усиленно не придавали значения чему-то там вроде повышенной заинтересованности, занявшись насущным деловым вопросом, из-за которого и встретились. И все.

Какие мансы?! Еще чего.

Оба прекрасно справлялись, демонстрируя хорошие манеры, умение управлять своими эмоциями... до того момента, пока не оказались в этой самой жуткой, бескомпромиссной «кромешной» тьме.

Наедине. Вдвоем. Запертыми!

Внезапно Зинуля перестала бояться — как отрезало! Себя, его, их обоюдного магнитно-непреодолимого влечения друг к другу, последствий возможных, запретов наистрожайших. Они внезапно обрели спокойное знание: в чем именно находили первобытные предки спасение от страхов первородной жуткой тьмы.

В единении!

Мужчина уловил, «считал» в ней эту перемену.

И протянул руку...

Жизнь — странная штука.

И эта ее всегда присутствующая странность пугает человечество всю его историю существования.

Непредсказуемость — самый страшный страх из всех людских страхов!

Нет, мы, конечно, заигрываем с судьбинуской, втайне лелея надежды, что уж если и бахнет она этой своей непредсказуемостью, то уж верняк — в виде удачи, свалив на тебя счастье немереное, неожиданное-негаданное!

А вот так вдруг — и ты в шоколаде.

Ну бывает же так?! Бывает!

Ну чтоб ни хрена не делать, всяческих трудностей, испытаний, потерь, лишений не проходить. Миновать, так сказать, стадию подхода: за тридевять земель не шастать, железных сапог не истаптывать, хлебом черствым не давиться, а — бац...

И сча-а-астье!

Скажем, богатство на голову свалилось или там принц на коне — и он тебя одну всю-то жизнь искал и любил: вот приехал, из навозу достал, помыл-накормил и приголубил. Или там, принцесса к Емеле на печь — прыг! — и «люблю — не могу, и полцарства в придачу, а ты лежи-лежи, милый»!

Да, лелеем, лелеем такие мечты втихаря, а чо? Я ж вон какой хороший — заслужил!

Но подгаживает одно: что ни сказка, что ни история из жизни, что ни книжка какая захудалая, а все без бития жизненного, лишений и трудностей всяческих не обходится. И все вокруг твердят: а ты потерпи! И золото с неба не сыпется. Вот же гадость в чем...

А та-а-ак — нет. Так мы не согласные! Так мы не хотим, спасибо.

И с детским жгучим любопытством, замирая, слушаем рассказы, что у кого-то тако-о-ое произошло! После всяческих тревог, ужасов и испытаний уж такое счастье небывалое на него свалилось — по сей день счастлив и благоденствует. И радуемся как дети, потаенно, в душе, что случилось это не со мной, а с каким-то неизвестным Васей, а мне такое счастье и подавно не нать! Слава богу, что пронесло мимо! Я лучше здесь, в тишке отсижусь, зато без тревог и волнений. И посмеиваемся с гордостью отстраненного наблюдателя: «Ну и дурак этот Вася, что вдряпался во все это! Вон ему как жизнь наподдавала! А я молодец, аккуратный, в истории не попадаю. И поговорочка дурацкая “Не было бы счастья, да несчастье помогло” — это не про меня!»

А все-таки завидуем конечному результату приключений того самого Васи и надежду тайную сохраняем: а вдруг Боженька мне полный короб счастья-то отвалит — просто так?

Как в том старом анекдоте:

— Ты хотя бы билет купил! — возмутился Господь, уставший от бесконечных молитв и просьб старого еврея о большом выигрыше в лотерею.

А судьбинушка на все это тихо посмеивается, продолжает выкидывать свои кренделя, мало интересуясь нашими планами, желаниями и страхами.

Зиночка Ковальчук родилась в очень правильной, крепкой, полноценной семье с правильными родителями, бабушками-дедушками, с правильными общественно-социальными устоями. И вся ее жизнь просматривалась от рождения и до заката — прямолинейно, как Восточно-Сибирская магистраль со станциями — этапами становления: школа, институт, работа, замужество, двое детей, еще и еще работа — ессеснно, все правильное до тошноты. А потом — пенсия, внуки, шесть соток, счастье тихого огородничества, почетная старость в кругу родных и близких.

Красота несказанная!

Добротно, прямолинейно, с неизменной уважухой и почтением окружающих за супер-

правильность общественного поведения и бытия. Такое вот полотно жизни в серо-белых тонах, без узелков и вкраплений.

Ну что поделаешь, в такое время она родилась, когда перспективы хорошей жизни раскладывались в стандартный ряд, и ее папа и мама, как всякие любящие родители, желали дочери только самого лучшего: жизни без изломов, потерь и потрясений — счастья, одним словом.

Тогда счастье и стабильность виделись именно так: высшее образование, да по барабану какое, главное — высшее, лучше — не сильно напряженное: инженер, скажем, учитель, переводчик. Работа, само собой, как эквивалент стабильности и пятнадцати-двадцатилетней очереди на получение личной жилплощади, семья, дети. А что еще?!

Все как у всех.

— Ха! — хмыкнула судьбинушка. — Щас-с-с!

У нее имелись свои планы на жизнь Зиночки Ковальчук и разнообразие оной жизни.

Первые семь младенческих лет Зиночка прожила, как и ожидалось от нее, очень правильной, спокойной, послушной девочкой, четко зная, как хорошо себя надо вести, не имея поводов к каким-либо конфликтам, в нормальной и любящей семье. «Спокойная, уравновешенная, послушная, с большими способностями к учебе, усидчивая, добрая, неконфликтная...

и так далее» — с такой характеристикой она перекочевала из садика в школу, порадовав необычайно учителей всем вышеперечисленным.

Чем не идеал?

Вот вы бы не мечтали, чтоб ваш ребенок был уравновешенным, неконфликтным, спокойным, очень умненьким, не создающим никаких трудностей и проблем? Ну вот и они, Зиновичкины родители и учителя, радовались.

Ну-ну...

Зиновичка замечательно (а как же еще!) училась в первом классе, как вдруг в их семье случился переезд. История со сложным обменом-разменом жилплощади всей родни — двух бабушек-дедушек — и квартиры, в которой жила Зиновичка с родителями, длилась долго, больше года.

Это не как сейчас вам: захотел — так на, пожалуйста! В любом риелторском агентстве подберут варианты, расселят в кратчайшие сроки, были бы деньги, квартиры и желание. А в те замшелые советские времена, когда всякое жилье находилось во владении одного хозяина, именуемого «государство», за любыми пертурбациями с данной собственностью он следил зорко и не очень-то поощрял. Найти подходящий вариант обмена, а главное — осуществить его было не просто делом нелегким, но приближавшимся к устойчивой невозмож-

ности. Однако законопослушная Зиночкина родня с убеждением «Имеем право и необходимость» долго и упорно занималась испортившим всех москвичей вопросом, старательно подбирая варианты и терпеливо обходя все инстанции.

Исходный посыл трудностей, созданных самими же обменивающимися сторонами, заключался в том, что оба родителя Зинули работали в центре и добираться каждый день из спального района, где они проживали, на место трудовой деятельности было трудно и отнимало кучу времени, не добавляя радости к «светлым» будням.

Мама Зиночки, Светлана Николаевна, личность целеустремленная, упорная, уж если ставила перед собой какую-то задачу, то, как правило, добивалась желаемого результата, а папа и бабушки-дедушки за ней подтягивались, помогая и поддерживая. Посему, взявшись за обмен, мама своего добилась.

Но Зиночку проблемы взрослых не касались и не волновали, ее задача была — учиться, что она с успехом и делала.

А тут — переезд!

Весело! Интересно! Она ехала в грузовике и держала на коленках цветочный горшок со скрученной в моток длиннющей лианой, выполняющая ответственное поручение.

И смотрела из окошка их новой квартиры, исполняя просьбу взрослых не мешаться под ногами, уткнувшись носом в стекло, как у подъезда из машины дядьки выгружают их вещи, и радовалась всему новому, и совсем чуть-чуть грустила, что пришлось расстаться со школьными друзьями.

Уже послезавтра, в понедельник, ей надо было идти в совсем другую школу. И теперь она всегда станет учиться в этой новой для нее школе, которая находится недалеко от их дома, по новому, неизвестному ей пока «месту прописки».

А мама все вздыхала вечером на кухне:

— Сорвали ребенка посреди учебного года, она только к коллективу начала привыкать!

— Ничего, Свет, — успокаивал папа, — и к этому привыкнет, адаптируется. Зато — центр и квартира большая, как мы хотели!

Ну не «центр-центр-центр» — Кремля из окошка не видно, но все-таки центр: рядом с Садовым кольцом, работой родителей и жильем маминых родителей, Зинулиных бабушки и дедушки.

— Да, Ген, ты прав! — веселела мама. — Сколько нервов потрачено и денег, но ведь не зря! Квартира замечательная — большая, просторная, а потолки! И родители рядом.

И школа Зиночкина. Она умница, она со всеми уживется, и учиться хорошо будет, и подружек найдет. Да, Зиночка?

И Зиночка кивала, соглашаясь, обещая и учиться, и дружить, как ожидали от нее родители, а мама гладила ее умиленно по головке и целовала в макушку.

Ой, знала бы мама, что накликала на Зиночкину, а по ходу и на их с папой головы...

В исторический понедельник, судьбоносный во всех глобальных жизненных масштабах для Зиночки, даже не подозревавшей о значимости наступающего момента, мама отвела ее в новую школу, передала с рук на руки учительнице и, напоследок поцеловав любимое чадо, ушла на работу.

Зинулю, по такому случаю одетую в форму, наглаженную с особой тщательностью, в новые колготки и туфельки, с туго заплетенными косичками в огромных бантах, новая учительница, Антонина Михайловна, поставила возле себя перед классом и представила:

— Дети, это наша новая ученица, Зиночка Ковальчук. Она переехала из другого района и теперь будет учиться с вами. Помогите ей

освоиться, подружиться с нею. А теперь давайте все с ней поздороваемся!

И продирижировала на счет «три» нестройное детское:

— Зра-а-аствуй!

— Молодцы! — похвалила неудавшееся хоровое чтение Антонина Михайловна. — Зиночка, садись за вторую парту, с Риточкой Ковалевой.

По классу ветерком пронеслось шепотливое «Ой!» и последовавшее за этим множественное хихиканье в кулачки.

— Тихо, дети! — негрозно призвала к порядку учительница.

Собственно, выбора свободных мест имелось немного: пустая парта на «галерке» в левом ряду, одно пустое место в правом, тоже «галерочном» — рядом с толстым мальчиком, и то, куда указала Зиночке учительница, — вторая парта в центральном ряду, возле маленькой худенькой девочки.

Учительница почему-то сочувственно вздохнула и мягко подтолкнула Зиночку вперед ладонью в худосочную спинку к предназначенному месту. А дети смотрели на новенькую с откровенной жалостью, пока она усаживалась, доставала из портфельчика тетрадки, учебники, ручки, карандашики.

— Здравствуй! — поздоровалась ее соседка по парте. — Меня зовут Рита. Рита Ковалева.

— Здравствуй! — ответила хорошо воспитанная, правильная девочка Зина. — А меня — Зина Ковальчук.

— Давай дружить! — с ходу предложила Рита Ковалева.

И улыбнулась!

И эта ее удивительная чудесная улыбка озаорила весь класс как солнышко, все помещение: парты, стулья, классную доску, детей, учительницу!

Девочка Рита была миниатюрной, как эльф, с очень белой, светящейся кожей, с веснушками на носу, с огромными, карими, искрящимися, совершенно невероятными глазами, с кучерявыми черными волосами, заплетенными в толстую косу, заканчивающуюся пышным бантом, и чарующей улыбкой. Зиночка тоже была совсем маленькой и миниатюрной — как эльф номер два, но светленький. Она улыбнулась в ответ и сразу согласилась:

— Давай! Давай дружить!

— Охо-хо! — услышала она тяжкий вздох Антонины Михайловны и, оторвавшись от созерцания новой подруги, повернулась к учительнице.

Оказалось, что весь класс и Антонина Михайловна, все вместе, затаив дыхание наблюдали за процессом знакомства девчонок. И смотрели как-то очень сочувственно — в основном